

УДК 81'373:39

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/12

ЗООМОРФИЗМЫ КАК ОСНОВА МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ: РУССКО-ПОЛЬСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Т.А. Гридина¹, Н.И. Коновалова²

Уральский государственный педагогический университет
Россия, 620017, г. Екатеринбург, проспект Космонавтов, 26

¹E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

²E-mail: sakralist@mail.ru

Авторское резюме

В статье анализируется семантика фразем, включающих в свой состав зооморфные номинации, которые относятся к числу универсальных метафорических моделей, транслируя при этом как стереотипные, так и национально специфические мотивы восприятия образа животного в применении к характеристике человека. Особый интерес вызывает сопоставительный анализ символики зооморфных образов в составе фразем родственных славянских языков, в частности русского и польского, как трансляторов восточнославянской и западнославянской концептосфер. В названных языках, как показывает словарный материал, реализован неодинаковый набор возможных смыслов многозначных зооморфных символов. Кроме того, сходные тематические группы зооморфных номинаций обладают разными коннотациями. На основании лингвокогнитивного анализа выделены как языковые лакуны, так и вариативные фразеологические вербализации сходных когнийций в сфере зооморфных фразеонимаций сравнимых языков. К этноязыковым лакунам в сфере зооморфных фразеонимаций русского или польского языков относятся: 1) польские фраземы с зоонимами, эквивалентные по значению русским без зоонимов; 2) польские фраземы с зоонимами, не имеющие эквивалентов в русском языке; 3) русские безэквивалентные фраземы с зоонимами. Вариативные фразеологические вербализации сходных когнийций включают: 1) польские и русские фраземы, мотивированные разными зооморфизмами; 2) польские и русские фраземы, мотивированные одинаковыми зооморфизмами;

но имеющие разные коннотации. Сопоставительный анализ таких единиц в разных языках предполагает, во-первых, учет исходных пресуппозиций (знаний о повадках животного, его образе жизни, внешнем виде и т. п.); во-вторых, учет многозначности и специфических коннотаций зооморфного символа в соответствующем языке; в-третьих, обнаружение сходств и различий как в выборе актуальных для каждого из сравниваемых языков когнитивных и мотивационных оснований фразеологического означивания, так и в репертуаре этноспецифичных зооморфных метафор.

Ключевые слова: межъязыковые универсалии, этнокультурная специфичность, фразеологизм, метафора, символика зооморфизмов, картина мира.

ZOOMORPHISMS AS THE BASIS FOR MODELLING PHRASEOLOGICAL SEMANTICS: RUSSIAN-POLISH EQUIVALENTS

T.A. Gridina¹, N.I. Konovalova²

Ural State Pedagogical University
26 Kosmonavtov Avenue, Yekaterinburg, 620017, Russia

¹E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

²E-mail: sakralist@mail.ru

Abstract

The paper analyzes the semantics of phrasemes containing zoomorphic nominations which refer to the universal metaphoric models conveying both stereotyped and nationally specific motifs of perceiving the image of an animal as applied to the characteristics of a human being. The focus is laid on the comparative analysis of zoomorphic imagery in phrasemes of related Slavic languages (namely Russian and Polish) regarded as the means of conveying East Slavic and West Slavic linguistic picture of the world. The research shows that the analyzed languages realize the unequal sets of possible meanings of polysemantic zoomorphic images. Moreover, similar thematic groups of zoomorphic nominations have discrepant connotations. The cognitive-linguistic analysis was used for distinguishing between linguistic lacunae and variable phraseological verbalizations of similar cognitions in the sphere of phraseological nominations in the languages compared. Ethnolinguistic lacunae in the sphere of zoomorphic phraseological nominations in Russian and Polish include the following: (1) Polish phrasemes with zoonyms equivalent to Russian phrasemes without zoonyms; (2) Polish phrasemes with zoonyms having no

equivalent in Russian; (3) Russian non-equivalent phrasemes with zoonyms. Variable phraseological verbalizations of similar cognitions include: (1) Polish and Russian phrasemes motivated by different zoomorphisms; (2) Polish and Russian phrasemes motivated by the same zoomorphisms but having different connotations. The comparative analysis of such units in the two languages includes (1) taking into account initial presuppositions (knowledge of the habits, the way of life, the appearance, etc. of the animal); (2) taking into account the polysemy and specific connotations of zoomorphic symbols in the language; (3) defining similarities and differences both in cognitive-motivational bases for phraseological signification, and the repertoire of zoomorphic metaphors in the languages compared.

Keywords: inter-linguistic universals, ethnocultural specificity, phraseologism, metaphor, zoomorphic symbolism, picture of the world.

«Язык <...> допускает свободное использование только в рамках своего характера», но в то же время «в нем не следует бояться ни изощренности, ни избытка фантазии» (Гумбольдт 1985: 372).

Данный тезис задает широкую перспективу исследования самых разных векторов коллективного и индивидуального сознания, отражаемых каждым конкретным языком. Эту мысль развивает следующее определение: «Язык – дешифрующая <окружающий мир> культурная модель» (Лотман 2001: 427).

Этноспецифические и типологические аспекты вербального означивания явлений действительности ярко проявляются в сфере метафорической номинации, которая выступает способом оценочной параметризации мира в образах обыденного и мифологического сознания. Особой концептуальной нагруженностью и этническим своеобразием характеризуется народная фразеология, в которой отчетливо проявляется национальная идентичность (Ting-Toomey 1988).

Переносное значение фразеологизма моделируется путем образного переосмысления объективно «заданной» когниции (знания о реальных свойствах обозначаемого) на основе ее соотношения с новым денотатом. Такое переосмысление, в частности, осуществляется в русле аксиологических доминант антропоморфизации зоонимов, принятых в конкретной лингвокультуре. Зооморфизмы относятся к числу универсальных моделей метафорической (в т. ч. и фразеологической) номинации, отражающей как стереотипные, так и национально-специфические мотивы восприятия образа животного в применении к характеристике человека. Стереотип понимается как «представления о предмете, сформировавшемся в рамках определенного коллективного опыта и определяющем то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и

т. п.; в то же время это представление, которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» (Бартминский 2005: 15; Bartminski 1996).

В научной парадигме изучения зоонимических номинаций представлены исследования их структуры, семантики и прагматики, символики и моделей метафоризации в разных языках. Например, имеются такого рода публикации (монографии и диссертации) на сопоставительном материале русского, немецкого, французского, английского, испанского, китайского, турецкого, монгольского и других языков (Гура 1997; Киприянова 1999; Огдонова 2000; Устуньер 2004; Каменская 2008; Гукетлова 2009; Подгорная 2016 и т. п.). Особую ценность в области описания символики зоонимов в славянских языках представляет фундаментальный проект «Славянские древности» в пяти томах под редакцией Н.И. Толстого (2004), а также монографическое издание «Символика животных в славянской народной традиции» (Гура 1997). Можно констатировать, что сложившийся к настоящему времени научный «конкорданс» открывает широкие перспективы для сопоставительных исследований – с выделением разных векторов осмысления зооморфизмов как этнокультурного и собственно языкового феномена, в частности, в качестве популярной в сфере фразеоломины метафорической модели. Вместе с тем роль зооморфных образов (их когнитивных и мотивационных проекций) в моделировании семантики фразеологизмов как в русском, так и в других языках не была предметом пристального внимания и комплексного описания данного фрагмента языковой картины мира (в т. ч. в сопоставительном аспекте).

Особый интерес в этом плане вызывает сопоставительный анализ символики зооморфных образов в составе фразеологических единиц родственных славянских языков, в частности, русского и польского – как трансляторов восточнославянской и западнославянской концептосфер.

Представляется, что наиболее объективные данные в этом плане можно получить путем сравнительного анализа одноязычных (русского и польского) фразеологических словарей, поскольку двуязычные словари довольно часто используют такую стратегию толкования, как буквальный пословный перевод или лексическое калькирование компонентного состава иноязычного устойчивого выражения (без объяснения оснований образной мотивации). В одноязычных же словарях материал дается с позиций соответствующей лингвокультуры, отражая особенности языкового сознания ее носителя.

В качестве материала для данной статьи были использованы наиболее полные и авторитетные в научном плане уникальные

одноязычные академические словари, не имеющие аналогов в лексикографической практике:

1. Польский фразеологический словарь Piotra Müldnera-Nieckowskiego «Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego: Wyrażenia, zwroty, frazy» (далее – WS 2004). Данный лексикографический источник содержит 200 тыс. устойчивых выражений, 38 тыс. словарных статей, включающих, помимо развернутых толкований, описание типовых ситуаций употребления фразеологизмов в речи и соответствующие иллюстративные контексты. Реализованный в словаре идеографический принцип представления материала комплексно отражает тематический репертуар фразеологизмов с базовым лексическим компонентом (в т. ч. зоонимическим), что обеспечивает репрезентативность выборки для целей конкретного исследования. В нашем случае отбор осуществлялся методом сплошной выборки фразем с зоонимическим символом. Общий объем выборки составил более 300 единиц, включающих компонент-зооним. Из них были проанализированы только те фраземы, в которых этот компонент выступает в качестве зооморфизма, лежащего в основе мотивации и моделирующего семантику устойчивого выражения, т. е. транслирует метафорический смысл, связанный с характеристикой человека.

2. «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» / Отв. ред. В.Н. Телия (далее – БФСРЯ 2006). Словарь содержит свыше 1 500 фразеологизмов. Как отмечается самими авторами данного лексикографического издания, «в нем показаны не только языковые особенности фразеологизмов, но и их неразрывная связь с культурой. В словаре выделены «гнезда» фразеологизмов, в основе которых лежит единый образ» (БФСРЯ 2006: 2). Такая структурная организация словаря делает его адекватным и продуктивным инструментом сопоставительного анализа соответствующих фразеологизмов в русском и польском языках.

В статье был принят иллюстративный принцип представления материала, отражающий типологию межъязыковых соответствий с учетом наиболее частотных и продуктивных моделей актуализации образной символики зоонимических номинаций в составе фразем.

В родственных славянских лингвокультурах вполне закономерно ожидать развития у зооморфизмов сходной или тождественной символики. Это подтверждается целым рядом эквивалентных по значению фразем, выявляющих типовые доминанты восприятия зооморфных образов в сравниваемых языках: **пес** – верность (см. пол. *wierny jak pies* – рус. *верный пес*); **волк** – голод (пол. *głodny jak wilk* – рус. *голодный как волк*); **пчела** – трудолюбие (пол. *pracowity jak pszczoła* – рус. *трудо-*

любивый как пчела); (малый мозг) *птицы* – символ низкого интеллекта (пол. *mieć ptasi mózdzek* – рус. *птичьих мозги, куриные мозги* – о глупом человеке, см., однако, пол. *mądra wrona* – об умном, мудренном опытом человеке; соответствующую коннотацию имеет символика *вороны* и в русском языке); *заяц* – трусость, быстрота (пол. *czmychać jak zając* – рус. *удирать, дрожать как заяц*); *осел, теленок* – упрямство, строптивость (пол. *uparty jak osioł / tytek*) – букв. упертый как осел / теленок, см. рус. *упрямый /как/ осел* и *упираться как теленок* – преимущественно ситуативное употребление по отношению к ребенку) и т. п.

Однако, как известно, в разных лингвокультурах реализован неодинаковый набор возможных смыслов, присущих многозначным зооморфным символам (см. об этом, напр.: Гридина, Коновалова, Лундаажанцан 2018). Кроме того, даже сходные тематические группы зооморфных номинаций обладают разными коннотациями как в неродственных, так и в родственных языках. Сказанное вполне коррелирует с идеей выявления этноязыковых различий, которые определяются «варьированием содержания одноименных концептов, выдвиганием отдельных концептов на роль ключевых в данной <культуре>, различием систем языковых моделей, репрезентации смыслов концепта» (Резанова 2011: 26).

На основе словарных данных (см. список литературы) нами выделены типы польско-русских соответствий, отражающих как этноязыковые лакуны в самом репертуаре зооморфных образов, актуальных для указания на те или иные свойства человека, так и вариативные аспекты моделирования фразеологической семантики с использованием многозначной символики одних и тех же зооморфизмов в сравниваемых языках. Рассмотрим особенности каждого типа.

I. Этноязыковые лакуны в сфере зооморфных фразеологических номинаций русского или польского языков:

1.1. Польские фразеологические единицы с зоонимами, эквивалентные по значению русским фраземам без зоонимов. Например: francuski *piesek* – *iron. wrażliwy, bardzo delikatny* (WS 2004: 527) – иронически об излишне чувствительном, изнеженном человеке; см. *wrażliwy* – ‘чувствительный, впечатлительный’ (Słownik 2002: 545). Метафорическое переосмысление базируется на пресуппозиции, отсылающей к внешнему виду и образу жизни комнатных собачек, требующих особого ухода, «тепличных» условий; мотивационная обработка когниции «маленькая французская собачка» (таких завезли в Польшу из Франции) осуществляется по принципу «ассоциативной идентификации» (Гридина 1996) повадок животного с характером капризного человека: *Co ten jej mąż taki delikatny jak francuski piesek?* (Słownik 2002: 545). В русском языке эквивалентное значение имеют фраземы, в ос-

нове которых лежат «растительная» (*тепличное растение*) и «вещная» модели антропоморфной образной номинации (*кисейная барышня*): кисея «выступает в роли символа легкости, тонкости, т. е. чего-либо требующего особо осторожного и внимательного обращения, что с помощью метонимического переноса... *ткань – человек* создает образ изнеженного, выросшего и живущего в условиях постоянной заботы и комфорта... человека» (БФСРЯ 2006: 328). Обе фразеоломинации иронически употребляются и по отношению к девушке, и по отношению к мужчине, обычно молодому человеку, который ведет себя подобным образом, например, боится холода, вечно чем-то недоволен, требует к себе повышенного внимания. Также см. *gruba ryba – osoba ważna, wartywowa, ustosunkowana* (WS 2004: 678) – о человеке влиятельном, занимающем высокий пост, и рус. эквиваленты *важная шишка* – важный, значительный человек (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 769).

1.2. Польские фраземы с зоонимами, не имеющие подобных семантических эквивалентов в русском языке. Например, *rządzić się jak szara gęś* – букв. *править, как серый гусь*, ‘хозяйничать, самовольничать’: *W naszej firmie żona szefa rządzić się jak szara gęś* (WS 2004: 232); *zapuszczać żurawia* – *заглядывать где-то, звать, потаивать, без чужей wiedzy* – ‘что-либо рассматривать тайно, без чужего-либо ведома’ (вытягивая шею, подобно журавлю, подглядывать за кем-, чем-либо; букв. *запускать журавля*); *robić kogoś w konia* – *осzukiwać kogoś, wykorzystywać; żartować, kręcić sobie z kogoś*. Букв.: *сделать из кого-то коня* ‘обманывать, высмеивать, ставить кого-то в глупое положение’: *Nie rób mnie w konia, przecież wiem, że to samochód twojego ojca* (WS 2004: 319). Образный смысл выражения основан, очевидно, на той пресуппозиции, что конь (лошадь) выполняет за человека тяжелую работу. Также см. смысл выражения *помыкать кем-либо* (как помыкают, управляют конем) и русскую поговорку *работа дураков любит*.

Rozumieć się jak tyse (konie, kobyły) – *rozumieć się bardzo dobrze, mieć wspólny język*. Букв.: *знать как лысого коня* ‘хорошо понимать кого-то, иметь общий язык с кем-то’: *Po trzydziestu latach małżeństwa rozumieją się jak tyse konie* (WS 2004: 319). См. рус. *знать как облупленного*. В основе такой мотивации идея удаления внешней оболочки с чего-, кого-либо.

Ktoś fałszywy jak kot – *zakłamany, obłudny*: ‘о лживом, лицемерном человеке’. *Nie lubię go, bo est fałszywy jak kot, ugryzie w najmniej oczekiwanej chwili* (WS 2004: 325). Букв.: *фальшивый, как кот*, укусит в самый неожиданный момент.

1.3. Русские фраземы с зоонимами, не имеющие эквивалентов в польском языке. Например, *ленивый тюлень* – ‘о неповоротливом, неторопливом, медлительном и, как правило, полном мужчине’. По

данным словарей *Wielki słownik frazeologiczny z przysłowiami* (2009) и *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego* (2004), подобного фразеологического соответствия в польском языке не отмечено. Эта лакуна (как и другие подобные ей) объясняется неактуальностью самой реалии в польской лингвокультуре. Как известно, тюлень – северное животное, не обитающее на территории Польши. И хотя само слово *foka* (тюлень) в польском языке существует, его символический потенциал не востребован фразеологическими моделями зооморфной номинации.

II. Вариативные фразеологические вербализации сходных зооморфных когний.

2.1. Польские и русские фраземы, мотивированные разными зооморфизмами: пол. *spić (ciągnąć, opić się) jak bąk* – *напиться как выпь* и рус. *напиться как свинья*. В основе зооморфных аналогий лежит идея утраты много выпившим человеком контроля над собой – в польском это, очевидно, потеря связности речи (мотивация по принципу «ассоциативной выводимости», в опоре на звукоподражательную номинацию болотной птицы, обладающей характерным голосом, см. пол. стар. *bakać* «весело кричать, ругать» (ЭС 1974: 142)). Возможна и другая версия образного переосмысления зоонима *bąk*: в состав польского фразеологизма входит многозначный глагол *ciągnąć*, одно из переносных значений которого ‘тянуться к чему-либо, тяготеть к чему-либо’. С учетом этого значения можно предположить связь образного основания данной фраземы с разными компонентами семантического гештальта, «...структура которого упорядочивает отдельные элементы обозначаемого в целостный образ» (Алефиренко 2005: 21–22). В данном случае актуализируется когнитивный стереотип восприятия *болота* как природного объекта, затягивающего человека в трясины; отсюда метафорическая аналогия «испытывать непреодолимую тягу к выпивке, спиртному (буквально тому, чему невозможно противостоять: алкоголь затягивает, как болото)». *Выпь* (*bąk*) – птица, живущая на болоте, что определяет метонимическую связь «болотная птица – пьяный человек»: см. *Przez całą noc ciągnął pivo jak bąk*. В русском языке коррелирующий по семантике фразеологизм восходит к другой пресуппозиции: это утрата возможности пьяного человека стоять на ногах (см. визуализированную метафору *валяться как свинья в грязи*).

К этой же группе относятся и следующие фразеологические варианты:

– пол. *baran wilkowi nie towarzysz* (*баран волку не товарищ*) и рус. *гусь свинье не товарищ*. В первом случае актуализирована пресуппозиция «волк – хищное животное, пищей для которого может стать и баран» (соответственно, дружба между жертвой и хищником

невозможна, что становится основой метафорического переосмысления исходной когниции при переносе в антропоморфную сферу для фразеологического воплощения оппозиции *сильные – слабые мира сего*). Во втором случае это метафорическое выражение отношений между людьми разного социального статуса в опоре на символику и оценочные коннотации зооморфизмов: *гусь* (важничанье, заносчивость, чванливость, мнимая значимость) и *свинья* (нечистоплотность в поступках, подлость, безнравственность, грубость). Когнитивными основаниями такого метафорического осмысления зоонимических образов, соотносимых с *высоким* и *низким* положением человека в обществе, служат типовые визуализированные представления об особенностях «походки» гуся (см. *важный как гусь, ходит как гусь*) и повадках свиньи (см. *валяться в грязи как свинья*);

– *czarna (parszywa) owca* – ktoś kompromitujący społeczność, do której należy, i potępiany przez nią; odszczepieniec, wyrzutek (WS 2004: 504). Букв.: *дрянная, паршивая овца* – ‘человек, скомпрометировавший себя недостойными поступками и изгнанный (презираемый) обществом; изгой, отщепенец’. В русской фраземе *паршивая овца* (сокращенный вариант пословицы *одна паршивая овца все стадо портит*; см.: *овца с паршой* – шелудивая, покрытая струпьями, от которой заражаются другие овцы) актуализирован смысл ‘о плохом, оказывающем дурное влияние на окружающих человеке’ (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 487). Фразеологический коррелят польского *czarna owca*, актуализирующий отрицательные коннотации цветообозначения *черный* (плохой, не такой, как должно, подобный паршивой овце), в русском языке отсутствует. Однако подобную символику антонимичного прилагательного *белый* можно обнаружить в русской фраземе *белая ворона* – ‘о человеке, чье поведение и / или внешний вид выходит за рамки общепринятых норм’;

– *ruszać się jak mucha w smole – poruszać się bardzo wolno, leniwie, ospale, bez energii; robić coś ociężale* (WS 2004: 417). Букв.: *как муха в смоле* (‘двигаться с трудом, делать что-либо очень медленно, лениво, как бы засыпая, без энергии’). Фразема имеет два значения: 1) ‘Медленно передвигаться’ – вариативное в плане соотношения зооморфных образов с символикой медленного движения в сравниваемых языках (см. пол. *mucha* и рус. *улитка, черепаха*). Отметим также иной способ вербализации исходной пресуппозиции в рус. *ползти как черепаха* и пол. *posuwać się żółtym krokiem – идти черепашьим шагом* (Słownik 2002: 584). Зооморфный символ *улитка* в том же фразеологическом значении польской лингвокультурой не востребован. 2) ‘Медленно работать’ – в русском языке данное значение маркируется тем же зооморфным символом, что и в польском,

но соотносительно с другой пресуппозицией. Ср.: *как сонная муха* – о человеке, который работает вяло, без инициативы, подобно мухе, засыпающей осенью и теряющей свою активность.

Разными зооморфными образами в русском и польском языках представлено значение 'плакать, заливаться слезами, выражая сильные эмоции голосом': *plakać jak bóbr* (букв.: *плакать как бобр*) и рус. *реветь как белуга*.

Образная фразеологическая вербализация значения «не иметь музыкального слуха, плохо петь» выражается в польском и русском языках как одинаковыми (*медведь / слон на ухо наступил*), так и разными зооморфными символами: *kocia tuzyka* (букв.: *кошачья музыка*). В русском языке *кошачьи вопли, кошачий хор* – о «пении» мартовских котов, может рассматриваться как мотивационная пресуппозиция для развития соответствующего переносного смысла выражения.

Символическая корреляция зооморфных образов для выражения одинакового смысла в русском и польском языках наблюдается и в следующих фраземах: *Mieć zajączka, zajączki w głowie 'być potyłym mieć bzika'* (сойти с ума, быть сумасшедшим, букв.: *иметь зайчиков в голове*): *Wasza sąsiadka ma zajączka w głowie i chodzi od domu do domu, szukając męża, którym umarł trzy lata temu* (WS 2004: 918); см. рус. *иметь тараканов в голове*. В обоих сравниваемых языках значение фразеологизмов моделируется зооморфными образами, передающими идею хаотичного движения мыслей.

2.2. Польские и русские ФЕ, мотивированные одинаковыми зооморфизмами, но имеющие разные коннотации. Например, *kocie oczy* – кошачьи глаза. *Zdolność dobrego widzenia w ciemności. Nasz ogrodnik ma kocie oczy; zauwazył nas, kiedy wracaliśmy z nocnego spaceru* (WS 2004: 485). Букв.: *способность человека хорошо видеть в темноте, подобно кошке* (перен. 'об очень наблюдательном, бдительном человеке'); см. рус. *кошачьи глаза* – о том, у кого глаза по цвету и / или форме подобны глазам кошки.

Любой зооморфный образ, представленный в составе фразеологизмов, как видно из приведенных примеров, не всегда может быть интерпретирован однозначно, обнаруживая разные проекции своей символической вариативности с учетом взятых за основу пресуппозиций. Например, польская фразема *mieć muchy w nosie* (букв.: *иметь мух в носу* 'о человеке, который часто пребывает в плохом настроении без повода – капризничает, обижается, злится на кого-либо') восходит к одному из векторов символики *мухи*. Этот зооморфный символ имеет разнообразные когнитивные истоки, в т. ч. сакральные: «...является воплощением души и связан с психической сферой человека» (Гура 2004: 340), оценочно коннотированные бытовые представления

(мелкое, жужжащее, злобное, нечистое, надоедливое насекомое, летит на сладкое, кусает и т. п.). Из этих возможных пресуппозиций для образной фразеологической обработки символа *муха* в русской и польской лингвокультурах взят вектор «внутреннее состояние и настроение, эмоциональные качества человека» (Гура 2004: 341). В частности, в приведенной польской фразе отражается значение, фиксируемое также и в других славянских языках (чеш., рус., укр., болг.), – «гнев, вздорность, раздраженность, дурное расположение духа... см. рус. *какая муха тебя укусила, брюзжит, что осенняя муха и т. п.*» (Гура 2004: 341). Относительным ситуативным эквивалентом данной фраземы можно в какой-то степени считать рус. *встать не с той ноги*. См.: *ona nic, tylko ta mucha w nosie, a z taką babą nie zalatwisz żadnej sprawy* (WS 2004: 416). Букв.: с такой бабой никакое дело не сладишь; см. также рус.: *(с ним, с ней) каши не сварить*.

Другие когнитивные векторы обработки символики данного зоонима представлены в эквивалентных по смыслу польских и русских фраземах *брюзжать как муха* – ‘о сварливом человеке’ (см. пол. *Brzęczeć jak naprzykrzona, uprzykrzona mucha* – ‘брюзжать как надоедливая, назойливая муха’: *Mam już dość! Brzęczysz jak naprzykrzona mucha*). Пресуппозиция «лететь на сладкое, прилипнуть к чему-то» находит выражение в польском *Lecieć jak mucha do miodu* – ‘о человеке, который испытывает тягу, влечение к чему-, кому-либо (как муха к меду)’. См. русский вариант фразеологизма *прилип как муха* с отрицательной коннотацией навязчивости общения.

Подводя итоги сказанному, отметим, что семантика фразеологических единиц с зооморфной символикой предстает как результат образной обработки когнитивного стереотипа, лежащего в основе мотивационной версии данного вида фразеологической номинации. Сопоставительный анализ таких фразем в разных языках предполагает в качестве комплексной модели анализа, во-первых, учет исходных (объективных) пресуппозиций (знаний о повадках животного, его образе жизни, внешнем виде и т. п.); во-вторых, учет многозначности и специфических коннотаций зооморфного символа в соответствующем языке; в-третьих, обнаружение сходств и различий как в выборе актуальных для каждого из сравниваемых языков когнитивных и мотивационных оснований фразеологического означивания, так и самого репертуара этноспецифичных зооморфных метафор.

Проанализированный материал позволяет отметить в качестве наиболее частотных следующие типы фразеологических зооморфных соответствий: а) коннотативные «сдвиги» в обработке разными лингвокультурами однотипных когниций; б) вариативность зооморфных фразеологизмов в сопоставляемых языках, обусловленную как изби-

рательностью мотивационных оснований образного переосмысления зоонима, так и этнокультурной выделенностью разных тематических групп зоонимов в национальных картинах мира. Лакунарность в данной группе фразеоломимаций представлена в меньшей степени, очевидно, ввиду того, что зооморфная метафора как межъязыковая универсалия в родственных языках тяготеет к «конгруэнтности» в плане предпочтения популярной стратегии обозначения человека через образ животного.

Предлагаемая модель анализа представляется продуктивной для лексикографической обработки народной фразеологии «как феномена, обладающего самостоятельной лингвокультурной ценностью и транслирующего особый тип традиционной народной ментальности» (Гридина, Коновалова 2017: 123).

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко 2005 – *Алефиренко Н.Ф.* Фразеологическое значение: природа, сущность, структура // Грани слова: сборник научных статей к 65-летию В.М. Мокиенко. М.: ЭЛПИС, 2005. С. 21–27.

Бартминьский 2005 – *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.

Бирих, Мокиенко, Степанова 2005 – *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.

БФСРЯ 2006 – *Большой фразеологический словарь русского языка.* Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.

Гридина 1996 – *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

Гридина, Коновалова 2017 – *Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 119–131. DOI: 10.17223/22274200/11/8

Гридина, Коновалова, Лундаажанцан 2018 – *Гридина Т.А., Коновалова Н.И., Лундаажанцан П.* Национальная специфика ассоциативного контекста зооморфной метафоры // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 131–142.

Гукетлова 2009 – *Гукетлова Ф.Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира: на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков: автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 2009. 47 с.

Гумбольдт 1985 – *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.

Гура 1997 – Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Гура 2004 – Гура А.В. Муха // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 340–343.

Каменская 2008 – Каменская В.М. Аксиологический аспект устойчивых зооморфных сравнений и зооморфных паремий испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 18 с.

Киприянова 1999 – Киприянова А.А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999. 12 с.

Лотман 2001 – Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.

Огдонова 2000 – Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 21 с.

Подгорная 2016 – Подгорная В.В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 24 с.

Резанова 2011 – Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / Ред. З.И. Резанова. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 15–94.

Славянские древности 2004 – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004.

Устуньер 2004 – Устуньер И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 25 с.

ЭС 1974 – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 1 (А – *besědyľivъ) / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. 214 с.

Bartmiński 1996 – Bartmiński J. Kosmos T. I. O «Słowniku stereotypów i symboli ludowych» // Słownik stereotypów i symboli ludowych. Koncepcja całości i redakcja. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1996. 221 s.

Słownik 2002 – Słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski / Sergiusz Chwatow, Mikołaj Timoszuk. Toruń: Wydawnictwo REA, 2002. 646 s.

Ting-Toomey – Ting-Toomey S. Intercultural Conflict Styles: A Face-Negotiation Theory // Theories in Intercultural Communication / Y.Y. Kim, W. Gudykunst (eds). Sage, Newbury, Calif., 1988. P. 213–235.

WS 2004 – Müldner-Nieckowski P. Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego: Wyrażenia, zwroty, frazy. Warszawa: Świat Książki, 2004. 1088 s.

REFERENCES

Alefrenko, N.F. (2005) *Frazeologicheskoe znachenie: priroda, sushchnost'*;

struktura. Grani slova [Phraseological meaning: nature, essence, structure. Word Facets.]. Moscow: ELPIS. pp. 21–27.

Bartminsky, E. (2005) *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Language image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.

Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreb-lenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Great phraseological dictionary of the Russian language. Value. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskiy slovar'* [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary]. Moscow: Astrel: AST: Lyuks.

Gridina, T.A. (1996) *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: stereotype and creativity]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Gridina, T.A. & Konovalova, N.I. (2017) Lexicographic interpretation of dialectal phraseology: a cultural-linguistic aspect. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 119–131 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/8

Gridina, T.A., Konovalova, N.I. & Lundaazhantsan, P. (2018) Natsional'naya spetsifika assotsiativnogo konteksta zoomorfnoy metafory [National specificity of associative context of zoomorphic metaphor]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. 2. pp. 131–142.

Guketlova, F.N. (2009) *Zoomorfnyy kod kul'tury v yazykovoy kartine mira: na materiale frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov* [The geomorphic code of culture in the linguistic picture of the world: on the material of the French, Kabardino-Circassian and Russian languages]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

Humboldt, W. fon. (1985) *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Translated from German. Moscow: Progress.

Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbols of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik.

Gura, A.V. (2004) Mukha [Fly]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'. V 5-ti t.* [Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 340–343.

Kamenskaya, V.M. (2008) *Aksiologicheskiy aspekt ustoychivyykh zoomorfnykh sravneniy i zoomorfnykh paremiy ispanykogo yazyka* [Axiological aspect of sustained zoomorphic comparisons and zoomorphic paremiias of the Spanish language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.

Kipriyanova, A.A. (1999) *Funktsional'nye osobennosti zoomorfizmov (na materiale frazeologii i paremiologii russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo i novogrecheskogo yazykov)* [Functional features of zoomorphism (based on phraseology and paremiology of Russian, English, French and modern Greek)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnodar.

Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Universe of the Mind]. St. Petersburg: Iskustvo–SPB.

Ogdonova, Ts.Ts. (2000) *Zoomorfnyaya leksika kak fragment russkoy yazykovoy*

kartiny mira [Zoonymic vocabulary as a fragment of the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Irkutsk.

Podgornaya, V.V. (2016) *“Naivnaya anatomiya” v angliyskoy yazykovoy kartine mira* [“Naive anatomy” in the English language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

Rezanova, Z.I. (2011) *Diskursivnye kartiny mira. Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Discursive images of the world. Images of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S. pp. 15–94.

Tolstoy, N.I. (ed.) (2004) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'. V 5 t.* [Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Ustunier, I. (2004) *Zoomorfnaya metafora, kharakterizuyushchaya cheloveka, v russkom i turetskom yazykakh* [The zoomorphic metaphor characterizing a person in Russian and Turkish]. Abstract of Philology Cand. Ekaterinburg.

Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Slavic Lexical Fund]. Moscow: Nauka.

Bartmiński, J. (1996) Kosmos. “O Słowniku stereotypów i symboli ludowych”. In: Bartmiński, J. (ed.) *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. [Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols]. Vol. 1. Lublin: University of Marie Curie-Skłodowska.

Chwatow, S. & Timoszuk, M. (2002) *Słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski* [Russian-Polish, Polish-Russian Dictionary]. Toruń: Wydawnictwo REA.

Ting-Toomey, S. (1988) Intercultural Conflict Styles: A Face-Negotiation Theory. In: Kim, Y.Y. & Gudykunst, W. (eds) *Theories in Intercultural Communication*. Newbury, Calif.: Sage. pp. 213–235.

Müldner-Nieckowski, P. (2004) *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego: Wyrażenia, zwroty, frazy* [Great Phraseological Dictionary of the Polish Language: Idioms, Sayings, Phrases]. Warsaw: Świat Książki.

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Россия).

Tatiana A. Gridina – Ural State Pedagogical University (Russia).

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Россия).

Nadezhda I. Konovalova – Ural State Pedagogical University (Russia).

E-mail: sakralist@mail.ru